
Л. В. ТИТОВА

Жанр «видения» в историко-публицистических текстах XVII в.: Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиевой лавры и Послание дьякона Федора сыну Максиму*

Жанр «видения» в древнерусской публицистике искони был одним из самых используемых: к нему прибегали в сложных политических и социальных ситуациях для решения непосильных человеческому уму вопросов, с просьбой, обращенной к Господу, «подать знак», подсказать человеку, на правильном ли пути он находится.

Основная цель «видения», как писал известный исследователь средневековых латинских «видений» Б. И. Ярхо, в том и заключается, чтобы открыть «истины, недоступные непосредственному человеческому сознанию».¹

Как показывают работы современных исследователей, сочинения публицистов полны самых разнообразных по форме и содержанию «видений», которые гармонично вписываются в другие жанровые структуры.²

В использовании жанра «видения» одним из наиболее значительных сочинений периода Смуты является документально-исторический и публицистический памятник — Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына. Целые главы этого текста построены на описании «видений», они даже так и называются: «О видении столпа огненного»,³ «О явлении чудотворца Сергия» (три главы),⁴ «О явлении Никона чудотворца»,⁵ «О неведомом пении в церкви Успения пресвятой Богородицы»⁶ и др.

Старообрядческая публицистика второй половины XVII в. в этом плане идет по пути, проторенному писателями эпохи Смуты, что можно проследить

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-01-01350а).

¹ Ярхо Б. И. Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 21.

² В отечественном литературоведении в настоящее время еще недостаточно разработаны теоретические вопросы, связанные с такими важными для средневековой литературы и взаимосвязанными жанрами, как «видение», «чудо», «обмирание», «явление». Большинство исследований, затрагивающих эти жанры, посвящено отдельным средневековым сочинениям, включающим в свой состав «видения», либо каким-то частным «видениям». См., например: о видении караульного на Соловках (1680 г.): Демкова Н. С. Из истории ранней старообрядческой литературы. IV. «Исповедание» Игнатия Соловецкого (1682 г.) и отклики современников на разгром Соловецкого монастыря царскими войсками в 1676 году // ТОДРЛ. М.; Л., 1983. Т. 37. С. 325; Чумичева О. В. Повесть о видении инок Ипатия и настроения в Соловецком монастыре накануне восстания 1667—1676 гг. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 285—292 и др.

³ ПЛДР. Конец XVI—начало XVII веков. М., 1987. С. 174.

⁴ Там же. С. 189, 197, 261.

⁵ Там же. С. 239.

⁶ Там же.

на примере одного из самых ярких и оригинальных по содержанию и форме полемических сочинений ранней старообрядческой литературы — Послании дьякона Федора сыну Максиму.

Н. С. Демковой был поставлен вопрос о влиянии публицистики Смутного времени на становление взглядов деятелей раннего старообрядчества. Литературным эхом отозвались произведения Смуты в публицистике раннего старообрядчества. Сопоставляя сочинения писателей Смутного времени с литературно-публицистической продукцией старообрядцев XVII в., исследовательница указывает на «наличие общих мест и настроений», совпадающих у авторов двух столь далеких и в то же время близких трагических эпох Русского государства. И те и другие писатели ощущали «уникальность» переживаемого ими времени и соответственно описывали его.⁷

На примере «видений» можно проследить те новшества, которые принесли публицисты Смуты в литературу XVII в. и которые успешно развивались старообрядческими полемистами во второй половине века. Поэтому в данной статье мне хотелось бы остановиться на «видениях» в Сказании Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиевой лавры и в Послании дьякона Федора сыну Максиму и сопоставить их, чтобы показать близость публицистики Смутного времени и старообрядческой в плане художественных исканий полемистов XVII в.

Вначале рассмотрим в целом «видения», используемые Авраамием Палицыным в Сказании, и сопоставим их с системой «видений» в Послании дьякона Федора.

В Сказании насчитывается несколько десятков «видений». Все они служат для раскрытия основной темы публицистики Смуты — защиты отечества и защиты веры. Попытаемся определить характер их использования и формы. Отметим несколько особенностей «видений», описываемых Авраамием Палицыным. Так как речь идет непосредственно об осаде Троице-Сергиевой лавры, то естественно, что ее создатель и покровитель Сергей Радонежский становится главным ее защитником, помощником и хранителем, поэтому наибольшее количество явлений, чудес и «видений» связано с его именем.⁸ «Видения» у Авраамия Палицына сюжетно просты и конкретны. Визионеры в Сказании, как правило, не обращаются с просьбой к Богу явить им, что будет с ними, все совершается само собой: «...пономарь Илинархъ съде почити и в забытии сна бысть. И абие видит в келию его вшедша великого чюдотворца Сергия...»,⁹ «...архимандриту Иасафу въздрѣмавшу, и се внезапно видит святаго и блаженнаго отца нашего Сергия, великаго чюдотворца...» (С. 196), «...во едину от ноший во снѣ является великий чюдотворецъ Никонъ понамарю Илинарху...» (С. 238) и т. д.

Одна из характерных черт «видений» Сказания — их прямые и открытые агитационные призывы встать на защиту веры и отечества, вложенные в уста троицких чюдотворцев и грозного архистратига Михаила. Они побуждали людей на отстаивание независимости России, защиту веры, побуждали к покаянию, отступлению от «беззакония и неправды». Кроме того, через большинство

⁷ Демкова Н. С. Сочинения писателей круга Аввакума и публицистика Смутного времени (К постановке проблемы) // Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. СПб., 1998. С. 232—238.

⁸ Как правило, святые, особо почитаемые в монастырях, обычно это основатели монастыря, являются главными защитниками, хранителями обители, к ним обращаются иноки с просьбой молить Бога о спасении и помощи. Так, для Соловков, естественно, это были Зосима и Савватий (см.: П а н ч е н к о О. В. 1) Соловецкий сборник повестей о чудесах и знамениях 1662—1663 гг. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 455, 462—463; 2) Соловецкие повести о «видениях» 1668 г. // Там же. С. 467—469), как и Сергей Радонежский для Троице-Сергиева монастыря.

⁹ ПЛДР. Конец XVI—начало XVII веков. С. 188 (далее указания на страницы этого издания даются в тексте в скобках).

«видений» иноков настойчиво проходит мысль о нарушении нравственных заповедей как причине бедствий. Постоянно в обращениях Сергия к инокам звучит угроза расправы не только с врагами, но и с монахами, не соблюдающими иноческих обетов: «И под стѣнами града обители мояе всѣх врагов пришедших потреблю, — заявляет Сергий приготовившимся к бою монахам, — нечисто же во обители сей и двоемыслено живущих погублю и со осквернившимися управлю» (С. 264), «...мужайтея, не ужасайтея! Рцѣте же во обители всѣм, яко нечисто живущей во святѣм мѣстѣ семъ погибнут. Не нечистыми Господь спасет мѣсто сие...» (С. 230).

В Сказании «видения», как правило, реалистичны и обыденны: чудотворцы ходят по монастырю, входят в келии, призывают мужественно бороться с иноверцами, укоряют нерадивых иноков, кропят святой водой стены монастыря,¹⁰ смысл происходящего в «видениях» прозрачен и ясен, «божественное откровение» нет необходимости разъяснять визионеру, он должен только «проповедовать» его. Так, явившийся страждущему старцу чудотворец Сергий и сам требует, чтобы он всем поведал о свершенном им чуде, и к тому же призывает предостеречь иноков от несправедного жития: «„Повѣждь же всѣмъ о сем: не толико ми гнусно смрад блуда согрѣшающих мирян, елико же инок, небрегущих своего общаниа...“. И се рекъ, невидим бысть. Старецъ же <...> прииде въ церковь и повѣда всем чудотворца глаголы» (С. 264).

Многие «видения» у Авраамия Палицына связаны со слухами, народной молвой. Автор их только фиксирует, предварительно отредактировав. Так, например, в главе, называемой «О стрелбах по граду ноябрю в 8 день», подробно рассказывается об ожесточенном сопротивлении осажденных защитников лавры в день архистратига Михаила и о помощи божественных сил — молитвами Сергия — осажденным. Завершая же главу, автор указывает точный источник, использованный им: «Принесе же ми о сем писание диакон Маркел ризничей. Аз же, исправив сие, повелѣх написати» (С. 204). В другом месте (глава «О Иване Рязанце»), рассказывая о «видении» Сергия Сапеге и Лисовскому и о том, как их сновидения истолковал донской атаман Стефан Епифанец, автор Сказания заключает: «О сем же знамении и о Стефанѣ Епифанцѣ атаманѣ принесоша ми писаници оставшиися иноцы во обители чудотворца, ово же словом повѣдающе ми о семъ. Аз же и сия повелѣх здѣ вписати, аще истинна есть и сия, яко да не обрящуся от Бога раб нерадив и презоривъ о чудесѣх преподобных отецъ» (С. 200).

Как видно из приведенных примеров, автор Сказания ссылается не только на «видения» очевидцев, но и на чужие записи рассказов, тем самым представляя на суд читателей не только свою точку зрения на события, но и различные «слухи и толки».

У дьякона Федора как наиболее начитанного из всех пустозерских писателей заметнее связи с литературой Смутного времени. Они усматриваются не только в общей тональности описаний двух трагических эпох, но и в конкретных литературных приемах. Уже на примере «видений» заметно, что сближает Федора Иванова с традицией публицистики Смуты и в чем состоят отличия.

Сопоставление «видений» в Сказании Авраамия Палицына с «видениями» в Послании сыну Максиму показало, что дьякон Федор часто использует «видения», типологически близкие «видениям» Авраамия Палицына. Так, например,

¹⁰ В публицистике Смуты «видения» получают наивысшую степень «обмирщения» (см.: Словарь книжников. Вып. 3, ч. 1. С. 41), в Послании также наблюдается некоторая тенденция к «обмирщению», заметим, что и ангел рыдает о судьбе Федора у его темничного оконца, и сам Спас является к нему «нерукотворенным своим образом», чтобы утешить (см.: Т и т о в а Л. В. Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. С. 128, 148. Далее указания на страницы издания даются в тексте в скобках).

в завершающем фрагменте Послания Федор, в очередной раз обращаясь к постоянно тревожившей его теме «распрей», которые начались у него с Аввакумом в пустозерской тюрьме, описывает одно из своих «видений» таким образом: «Бысть же сицево откровение мне, юзнику, о клятвах их беззаконных. По второй казни zde, в пост Филиппов, по утрени некогда в темнице сей воскорбех к Богу зело, и размышляя в себе глаголя: „Что си, Господи, будет мне грешному? Тамо у них клятвы между себе на нас, и zde клятвы спорныя у нас!“ . И абие внезапно в час той ста во узилище нашем яко полк велик с небесе невидимых лиц. И начаша глаголати вси воедино слово псаломскую речь сию: „Оскверниша завет, разделишася от гнева лица Его“. И глас их, яко гром бысть, и глаголаша многажды речь ту <...> И то же, да то же. Аз же слышав сия и дивяся. Мне же не рекоша ничесо же и отъидоша тихо. Се лик святых ангелов бысть, и учиша мя тем образом молити Бога на отступников клятвоу» (С. 222). Интересно отметить, что удостоиться услышать ангельские хоры могли только избранные, подобные «откровения» (сонм ангелов, пением предвещающий определенные события или подсказывающий определенное решение) имеют устойчивую традицию,¹¹ известны они и Сказанию Авраамия Палицына. Так, в главе «О невѣдомѣмъ пѣнии въ церкви Успения Пресвятыя Богородица» рассказывается, как один из стражников, стоящий в карауле у церкви, услышал «многих гласы поющих, мужския и отроческия. <...> Но не по чину молебнов гласы исходят, и не тако, яко же иноцы или яко же мирстии, но зѣло красно и множество поющих немолчно и беспрестанно и гласы громны». И слушающие это пение заключили: «„Не туне пѣние сее, братие!“ <...> И шедше, възвѣстиша о семъ воеводѣ <...> И ужас многих обият о семъ» (С. 238). Ангельские хоры восприняты были как знак приближающейся смерти.

В плане типологического сходства следует также отметить явление столпа огненного во время укрепления обороны, «мнози людие видѣша знамение не во снѣ, но наявѣ, — особо замечает автор, — <...> над церковью <...> над главою столпъ огнян стоящъ <...> И помалѣ столпъ огненный начат низходити и свитися вмѣсто, яко облако огнено, и вниде окном над дверми въ церковь пресвятыя Троица». Чтобы окончательно разъяснить смысл этого «видения», предвещающего приближающуюся беду, автор описывает реакцию «визионеров»: «Священникъ же Пимин велми ужасеся страшному видѣнию и возва братию свою ис келии...» (С. 174). Близко этому «видению» и одно из «видений» Федора, когда он просит Господа о заступничестве за Соловки, просит разрешить ему «пощение и бдение» во спасение святой обители, и ответом на его просьбу, обращенную к Богу, является «видение»: «... и видех, — пишет Федор, — яко отверст покров темницы и с небес летящ над мя, яко клуб некий светел зело и чист, яко хрусталь с солнцем смешен. И от сего разумех аз, яко помощи ми хошет Господь...» (С. 127). Как видно из приведенных примеров, типологически «видения» идентичны: и в одном и в другом случае задействованы силы природы: столп огненный свился в клубок, спускается с небес на землю и входит в окно над дверьми в церковь, и в темницу к Федору опускается «клуб некий светел зело и чист». Однако понимание этих знамений истолковывается по-разному: в ночи появившийся огненный столп в Сказании предвещает беду, явившийся же дьякону Федору светлый и чистый клубок — благое предвестие, как он это сам и расценивает. Бог подал знак — разрешил молиться за спасение соловецкой братии. В данном случае следует особо отметить разную психологическую ситуацию: с одной стороны, ужас осады, ожидание смерти («видение» служит для передачи эмоциональной атмосферы осады), с другой — ожидание благоприятного разрешения событий, вера в изменение ситуации.

¹¹ См.: Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М., 1989. С. 93.

Как и Авраамий в Сказание, дьякон Федор включает в свое Послание и «чужие видения», но это только отдельные случаи. Так, оценивая решения церковного Собора 1666/67 г., окончательно разрушившего надежды защитников старой веры на восстановление «истинного православия» на Руси, дьякон Федор описывает «видение» некоего воина, стоявшего на «стражи часов в Кремле». В отличие от Авраамия Палицына, который фиксирует «чужие видения», дьякон Федор непременно комментирует их. В утренний час увидел воин «на воздухе сядяща сатану на престоле, и грекотурьских патриарх, и русских властей, сядящих окрест его, и Артемона, голову стрелецкого, предстояща ту, и прочих от царского чину, над тем местом, идеже они вси собирахуся, сядяще и утвержающа Никонову прелесть и новыя книги заводу его, и на кровопролитие христьянское нарежающесе, и устрояюще то нашептанием лъстиваго того змия, иже присно той кровопролитию радуяся. И воин той нача сказывати то Богом показанное видение явное всем людем и за то сослан бысть в сылку безвестно...» (С. 214). Передавая «чужие видение», дьякон Федор тут же комментирует его, дополняет текст своими рассуждениями по поводу увиденного воином: «И се показа Бог простых ради людей, да разумеют, яко на соборе их лукавом со властями не Христос сидел и не Дух Святыи учил их той неправде всей, но лукавыи сатана, богопротивный враг и човекоубийца...» (С. 214).

Угрожающий смысл «видения», пересказанного дьяконом Федором, дополнительно усилен его сообщением о том, что воин, поведавший увиденное народу, был сослан и пропал без вести. Автор умело встраивает в ткань своего произведения «чужие видения», которые наряду со «слухами и толками» способствуют усилению авторской позиции, делают ее общественно значимой.

Обличительный пафос в сочинении дьякона Федора достигает апогея в описании его «видения» о судьбе души умершего царя Алексея Михайловича. В срубе — в земляной тюрьме (в том же положении, в котором находятся осужденные им пустозерские узники) — дожидается царь Алексей дня Страшного суда. «В той же 12 сажень глубины, яко храмина тесна соделана, и ту он сидит скован до судного дне...», — пишет Федор. Знаменательно и завершает дьякон Федор это свое «видение», начиная с широко используемой в древнерусской литературе цитаты из Псалтири: «Ров изры и ископа и впадется в яму, юже содела. И обратится болезнь его на главу его, и наверх неправда его снидет,¹² — понеже бо нас, нищих, они, богатые цари и архиереи за законы отец наших мучили и казнили, и проклинали, и ямы копали, а сами в них попали...» (С. 221). Федор апеллирует к социальным низам и социальным чувствам низов, констатируя противостояние богатых и бедных.

Нам трудно судить об этом «видении» в целом, так как полностью оно не сохранилось ни в одном списке Послания. Только две рукописи сохранили его частично. Известно, какую опасность представляли такие «видения». Из-за политической заостренности это «видение» **изымалось** из рукописей. Это яркий пример публицистической ответственности «видений». Воздействие их на общественное сознание людей XVII в. трудно переоценить.

Особенностью публицистических замыслов в плане использования жанра «видения» дьяконом Федором является то, что с целью усиления публицистического пафоса он соединяет несколько собственных «видений» в единую цепочку, формируя таким образом своеобразный тематический блок, создающий многоплановые картины, которые должны были окончательно убедить читателя в справедливости суждений автора.

Так через цепь «видений» дьякон Федор показал, как и почему были побеждены Соловки. Главную причину гибели монастыря он видел во внутренних

¹² Точная цитата из Псалтири. См.: Пс. 7: 16—17.

распрях и раздорах его обитателей. Этот рассказ о судьбе соловецких иноков, раздоры и «крамолы междоусобныя» которых довели до предательства и вследствие этого до падения священной обители, предваряет главную тему его повествования — тему раздоров среди пустозерцев, которую он также освещает с использованием цепочек «видений».¹³

Сопоставление «видений» в историческом и полемико-публицистическом сочинении показало, что их различие связано с целевыми установками. Историческое сочинение порождает «видения» простые и обыденные, открыто агитационные; они не столько выполняют провиденциальную миссию, сколько создают эмоциональную атмосферу осады. В полемико-публицистическом сочинении Федора «видения» риторически изощренные, в нем доминируют собственно авторские «видения», более четко вырисовывается авторская позиция, отношение самого Федора к происходящим событиям. Между тем «видения» у дьякона Федора, как и у писателей Смуты, имеют ярко выраженную публицистическую направленность. Они отвечают основному замыслу Послания — убеждению в истинности старой веры как своих единомышленников, так и противников, обличению церковной реформы патриарха Никона и осуждению церковной и светской власти, всех, кто предал «древние отеческие законы». Причем дьякон Федор использует и традиционные по форме и содержанию «видения» (ранее мы обращали внимание на «видение» огненного столпа и пение ангелов в Сказании и в Послании), и публицистически заостренные, политические. Одно дело — символическое толкование «чужого видения», видения некоего воина, другое дело — «видения» **самого автора**: царь и даже еще здравствующий Никон в аду. Эта политическая заостренность была свойственна творчеству лидеров старообрядчества протопопу Аввакуму и дьякону Федору. Обличительный накал в их творчестве к началу 80-х гг. XVII столетия достиг апогея и стал собственно причиной «огненной» казни пустозерской четверицы.

¹³ Более подробно об этом см.: Т и т о в а Л. В. Послание дьякона Федора... С. 95—97.